

Геннадий М. Зельдович

СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ РЯД И СООТНЕСЕННОСТЬ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ, ИЛИ О РАНГАХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ

Рассмотрим сочинительные ряды вида "А и В", где в роли А и В выступают либо два конкретных нарицательных существительных, либо два глагола несовершенного вида¹ и где союзом И выражена *собственно сочинительная*, равноправная, связь.²

Сочиняемые элементы А и В как-то соотносятся с действительностью. В случае существительных это соотношение отражается их денотативным статусом (ДС), а в случае глаголов — их частновидовым значением (ЧВЗ).

Ясно, что на сочетаемость денотативных статусов и частновидовых значений в сочинительном ряду наложены серьезные ограничения. Например, нельзя сказать:

(1) *Кошки (вообще) и эта собака очень драчливы.

У первого существительного ДС универсальный, предполагающий обращение ко всему множеству кошек, а у второго — конкретно-референтный. Такая комбинация статусов недопустима. Недопустима и фраза

(2) *Иван (сейчас) читает и отличается любознательностью, — ибо сочинение актуально-длительного и постоянно-непрерывного ЧВЗ тоже запрещено.

Неверно думать, будто денотативные статусы и частновидовые значения просто-напросто должны *совпадать*. Можно сказать:

(3) Дайте мне эту чашку и какую-нибудь ложечку

(конкретно-референтный ДС + экзистенциальный ДС);

(4) Иван ходит в шахматный кружок и увлекается математикой

(многократно-характеризующее ЧВЗ + постоянно-непрерывное).

¹ Как представляется, полученные для глаголов результаты полностью переносимы на отпредикатные существительные, а также на наречия (у которых есть своя временная соотносительность), но такие слова, чтобы разгрузить изложение, мы не рассматриваем. Что касается собственных существительных, то их интерпретации в интересующем нас плане неясны, и здесь требуются дальнейшие изыскания.

² Примеры неравноправной связи (квазисочинения) приводятся ниже.

С другой стороны, не хотелось бы задавать существующие здесь комбинации и простым перечислением. Представляется, что обсуждаемый феномен можно интерпретировать собственно семантически, что сочетаемость/несочетаемость тех или иных А и В объясняется определенными смысловыми, а точнее — коммуникативными, особенностями каждого конкретного денотативного статуса и каждого конкретного частновидового значения и, наконец, что исследование этих особенностей чревато определенными теоретическими выводами, затрагивающими типологию семантической информации.

На протяжении всей работы для нас будут актуальны понятия ассерции, пресуппозиции и слабого смысла. Первые два типа семантической информации трактуются вполне традиционно: ассертивные смыслы подвергаются негации, пресуппозитивные — сохраняются при отрицании в неприкосновенности. Необычным является лишь понятие слабого смысла, на котором придется подробно остановиться в первом параграфе. Затем, соответственно в параграфах 2 и 3, мы рассмотрим сочинение существительных и глаголов.

1. Слабые смыслы как тип семантической информации

Данное понятие введено в (Богуславский 1985, 29-31) и на обширном материале обосновано нами в (Зельдович 1998). Изложить основные результаты последней работы здесь совершенно необходимо, так как иначе многие дальнейшие рассуждения либо останутся в значительной степени голословными, либо потребуют постоянных отсылок к названной статье, что грозит очевидными неудобствами.

Слабые смыслы делятся на тривиальные и нетривиальные; суть разграничения прояснится позднее.

1.1. Тривиальные слабые смыслы

При описании действия русские глаголы часто указывают не только на *итоговое* состояние, но и на *способ*, каким оно достигается (Падучева 1986, 419). В результате могут возникать глагольные ряды типа КАСАТЬСЯ, УПИРАТЬСЯ и т.д.; ЛИТЬСЯ, КАПАТЬ, БРЫЗГАТЬ, ХЛЕСТАТЬ и т.д.; ПРИЕХАТЬ, ПРИЛЕТЕТЬ, ПРИПЛЫТЬ и т.д.; ВЫНЕСТИ, ВЫВЕЗТИ, ВЫТАЩИТЬ, ВЫПИХНУТЬ; ПОДНЯТЬСЯ, ПОДСКОЧИТЬ (о давлении, температуре); ПРОТОПТАТЬСЯ, ПРОНОСИТЬСЯ, ПРОХУДИТЬСЯ (об обуви); ПРОДРАТЬСЯ, ПРОТЕРЕТЬСЯ, ПРОТОЛКАТЬСЯ, ПРОПИХАТЬСЯ (сквозь толпу).

Значение всех этих глаголов, согласно (Богуславский 1985, 29-31), можно представить в виде двух частей:

- (5) X касается У-а (напр., *Ветка касается окна*) =
 'а. X находится в контакте с У-ом;
 б. Этот контакт — слабый'.
- (6) X упирается в У (*Ветка упирается в окно*) =
 'а. X находится в контакте с У-ом;
 б. Этот контакт — интенсивный'.
- (7) X приехал куда-то =
 'а. X прибыл куда-то;
 б. X передвигался по суше и с помощью какого-то транспортного средства'.
- (8) X прилетел куда-то =
 'а. X прибыл куда-то;
 б. X передвигался по воздуху'.
- (9) X приплыл куда-то =
 'а. X прибыл куда-то;
 б. X передвигался по воде'.

Компонент (а) во всех толкованиях ассертивен, а статус компонента (б) — совершенно особый: последний не подвергается воздействию негации (как это происходит с ассерцией) и под отрицанием не сохраняется (как сохраняются пресуппозиции). Так, например, предложение

(10) Ветка не касается окна

не значит ни

- (11) 'а. Ветка не находится в контакте с окном;
 б. Этот контакт не слабый',

ни

- (12) 'а. Ветка не находится в контакте с окном;
 б. Этот контакт — слабый'.

Толкования (11) и (12) очевидным образом абсурдны.

Итак, семе (б) в (5-9) следует приписать особую коммуникативную роль — роль слабого смысла.

Укажем важные для настоящей работы свойства слабых смыслов. При этом необходимо сделать одну оговорку принципиального характера.

Всем предложениям-примерам, если не указывается противное, приписывается наиболее естественная, нейтральная интонация. Не учтя этого, мы рискуем впасть в неразрешимую пуганицу.³

³ Более полный перечень свойств содержится в (Зельдович 1998). В частности, одно из них специально отражает тот эффект, который на слабые смыслы (обычно, хотя и не всегда) производит акцентное выделение.

Очевидно первое свойство слабых смыслов.

Свойство 1: по крайней мере одну свою валентность слабый смысл заполняет какой-то ассертивной семой или иной семой, которая не сохраняется при отрицании.

К (5-6) приложима первая часть формулировки: здесь все семы (б) содержат местоимение ЭТОТ (ЭТО), которое прямо отправляет к ассертивной части (а). В случае (7-9) ситуация сложнее: семы (7б-9б) заполняют свою валентность (метаязыковой) лексемой ПЕРЕДВИГАТЬСЯ. Смысл 'передвигаться' — это часть значения глагола ПРИБЫТЬ, причем коммуникативный статус у нее достаточно необычный: при отрицании (*Х не прибыл куда-то*) остается неясным, передвигался Х вообще или нет. Так или иначе, сема 'Х передвигался' под отрицанием не сохраняется, а либо превращается в сему 'могло быть так, что Х передвигался, и могло быть так, что Х не передвигался', либо исчезает вообще. Поэтому, относясь к ней, смыслы (7б-9б) тоже обладают Свойством 1.

Ту сему (ситуацию, пропозицию), от которой зависит истинность слабого смысла, назовем главной, или подчиняющей (хотя с точки зрения предикатно-актантной структуры она сама ему подчинена).

Если главную ситуацию данных выше примеров перевести в тему (пресуппозицию), то в тему (пресуппозицию) перейдет и слабый смысл; ср.: *Окна касаются ветка (а не ствол)*. Поэтому диагностической ценностью обладают только те фразы, где главная ситуация рематична. В большинстве случаев разбираемые глаголы именно рематичны, и рематичны в следующем смысле: составляют сами по себе главную рему предложения (ср.: *Иван прилетел*), либо входят в главную рему *наряду* с другими элементами (ср. фразу *Иван вчера прилетел* в том ее понимании, при котором *вчера прилетел* — одна широкая рема), либо являются главной ремой или ее частью не для всего предложения в целом, а для какой-то из *содержащихся* в нем пропозиций: предложение *Я рад, что Иван прилетел* имеет главную рему *рад*, однако для подчиненной пропозиции *Иван прилетел* главная рема — *прилетел*.

Свойство 2: под отрицанием слабый смысл переходит в модальность 'ожидалось, что если будет истинна главная пропозиция, то будет истинен и слабый смысл' (указано И.М.Богуславским). Ср.:

(13) Ветка не касается окна =

'а. Ветка не находится в контакте с окном;

б. Ожидалось, что если бы ветка находилась в контакте с окном, то контакт оказался бы слабым'.

(14) Ветка не упирается в окно =

'а. Ветка не находится в контакте с окном;

б. Ожидалось, что если бы ветка находилась в контакте с окном, то контакт оказался бы интенсивным'.

Свойство 3: слабые смыслы как правило не входят в сферу действия включающих предикатов. Это видно из следующих примеров:

1. Во-первых, рассмотрим

(15) Иван ухитрился (смог, сумел) коснуться финишной ленты раньше других (здесь КОСНУТЬСЯ противостоит УХВАТИТЬСЯ, а не УПЕРЕТЬСЯ — но это дела не меняет).

(16) Ивану удалось приехать на свадьбу дочери.

Конструкции типа X УХИТРИЛСЯ (СМОГ, СУМЕЛ) Р, X-у УДАЛОСЬ Р, означают, в первом приближении, что сделать Р было трудно. Между тем очевидно, что трудность представляло именно главное действие: достичь финишной ленты, прибыть на свадьбу, — а не тот способ, каким оно осуществлено. Поэтому предложения (15-16) нельзя толковать по образцу (15) => 'а. Ивану было трудно войти в контакт с финишной лентой; б. Ивану было трудно сделать так, чтобы этот контакт оказался слабым'. Правильное толкование должно изымать слабый смысл из сферы действия включающих предикатов: (15) => 'а. Ивану было трудно войти в контакт с финишной лентой; б. Этот контакт был слабым'; (16) => 'а. Ивану было трудно прибыть на свадьбу дочери; б. Он прибыл по суше и с помощью транспортного средства'.

2. Во-вторых, рассмотрим

(17) Ветка упиралась в окно; ее подпилили, но она (снова) по-прежнему касается стекла.

(18) Иван прилетал в гости и непременно еще раз приедет.

СНОВА Р, ОПЯТЬ Р, ПО-ПРЕЖНЕМУ Р, ЕЩЕ РАЗ Р значит, что Р уже было'. Между тем в (17-18) 'уже было' не *все* то, что обозначено глаголами КАСАТЬСЯ и ПРИЕХАТЬ, а только *главная* ситуация — контакт и прибытие. Поэтому в интересующей нас части фразы (17-18) должны толковаться так, чтобы слабые смыслы не попали в сферу действия названных обстоятельственных предикатов: (17) => 'а. Ветка по-прежнему находится в контакте с окном; б. Контакт (* по-прежнему) слабый'; (18) => 'а. Иван еще раз прибудет в гости; б. Он (* еще раз) будет двигаться по суше'.

3. Таким же образом ведут себя фактивные предикаты, — например, РАД, ЧТО и ХОРОШО, ЧТО. Если, к примеру, *Петр рад, что Иван прилетел*, то причина радости — само прибытие Ивана; Петр может даже не знать, что Иван именно прилетел, а не приехал и не приплыл.

4. Показатели ирреальности типа ДУМАТЬ, СЧИТАТЬ, ПОЛАГАТЬ, ВЕРИТЬ, НАДЕЯТЬСЯ и т.п. из своей семантической сферы действия слабый смысл тоже отторгают. Подробно об этом см. в (Зельдович 1998), здесь же остановимся на особенно важном для нас случае, когда глагол со слабым смыслом попадает в синтаксическую сферу действия причинного предиката ЕСЛИ (А, ТО В). Примеры слабых смыслов в синтаксической сфере действия по валентности А:

- (19) Если вода будет капать, то в бочке ничего не останется =>
 'а. Если вода будет двигаться (вытекать), то в бочке ничего не останется;
 б. Ожидается, что если вода будет двигаться, то будет двигаться каплями'.
- (20) Если Иван прилетит, то все очень обрадуются =>
 'а. Если Иван прибудет, то все очень обрадуются;
 б. Ожидается, что если Иван прибудет, то прибудет по воздуху'.

Только главная ситуация вступает в какие-то причинные связи. Все равно, будет ли вода капать, литься или хлестать, — бочка опустеет; все равно, каким способом прибудет Иван, — ему обрадуются.

Примеры слабых смыслов в синтаксической сфере действия ЕСЛИ по валентности В:

- (21) Если бочку не проконопатить, то вода будет капать.

Само по себе условие А здесь отнюдь не предопределяет, что вода будет именно капать, а не литься или хлестать: просто *ожидается*, что в таком случае вода будет убывать по капле. Аналогично в

- (22) Иван, если дадут отпуск, прилетит.

Следующее свойство слабых смыслов тесно связано с особенностями их поведения в ЕСЛИ-конструкциях, точнее в первой, описывающей *условие*, их части. Здесь потребуется ввести новое понятие: общая оценка ситуации (ср. (Санников 1989, 149-161)).

Во всех приведенных примерах интересующие нас глаголы рематичны. Любая рема — это результат выбора из ряда возможностей. Обусловлен ли выбор волей говорящего или он навязывается объективной действительностью, здесь несущественно. Важно только, что сделанный выбор ведет к каким-то следствиям. Так, фраза *Иван весел* (здесь и далее рема подчеркнута) может вести к (эксплицитному или имплицитному) выводу, что с Иваном интересно (приятно и т.п.) общаться или что дела у Ивана идут хорошо, а фраза *Утконосы болеют* — к выводам, что за ними нужен уход, что они доставляют владельцу хлопоты и т.п.

Для простоты будем считать, что при каждом конкретном употреблении конкретного предложения говорящий имеет в виду одно определенное следствие. Оно может оказаться истинным или ложным: например, следствие 'утконосы доставляют владельцу хлопоты' истинно для предложения *Утконосы болеют* и ложно для предложений *Утконосы не болеют*; *Утконосы отличаются завидным здоровьем*. Истинность/ложность следствия назовем общей оценкой ситуации. Она бывает положительной и отрицательной.

Если рема предложения содержит две семы, которые *противоположным* образом влияют на общую оценку ситуации, то возникает аномалия:

- (23) а. *Иван мало бывает в театре (предполагается, что рема — не само слово МАЛО, а весь подчеркнутый фрагмент);
 б. *Иван плохо выполнил задание.

Между тем есть такие предложения со слабыми смыслами, где главная пропозиция и слабый смысл как будто должны "тянуть" общую оценку в разные стороны, однако аномальными предложения от этого не становятся. Ср.:

- (24) а. Контакт ветки с окном — слабый, поэтому оно до сих пор и не треснуло;
 б. Ветка касается окна, поэтому оно и треснуло.
 в. *Ветка касается окна.
 (25) а. Вода поступает каплями, поэтому нельзя наполнить ведра;
 б. Вода капает, поэтому можно наполнить ведра.
 в. *Вода капает.

Ср. также:

- (26) *Иван подворовывает => 'Иван ворует (плохо); Иван ворует немного (скорее хорошо)'.

Отсюда вытекает

Свойство 4: слабый смысл не влияет на общую оценку ситуации и вообще не выступает в качестве указания на причину.

Чтобы сформулировать последнее свойство, представим себе ситуацию, когда, например, Иван приехал поездом, а кто-то говорит:

- (27) Иван прилетел.

Главная ситуация 'Иван прибыл' истинна, а слабый смысл 'Иван воспользовался самолетом' ложен. Как следует в целом квалифицировать фразу (27) с точки зрения истинности? Мы не можем ответить со всей строгостью, но, очевидно, не погрешим против истины, если скажем, что фраза (27) скорее все-таки верна и является лишь *частичной* неудачей.

Ср.:

- (28) Петр говорил, что Иван прилетел, и оказался прав — хотя, впрочем, на самом деле Иван приехал, а не прилетел.

Обратим внимание на то, что в представленной здесь конструкции А, *ХОТЯ В* значимость В ниже, чем значимость А, — и еще сильнее понижается словом ВПРОЧЕМ. Сказать

- (29) Хотя Петр оказался прав, но на самом деле Иван приехал, а не прилетел

весьма странно. Если главная ситуация истинна, то ложность слабого смысла должна рассматриваться как *второстепенное* обстоятельство.

В случае асертции и пресуппозиции дело обстоит совсем иначе: если неистинна первая, то высказывание просто ложно, а если вторая, то оно вообще лишено истинностного значения и, тем самым, полностью неудачно.

Таким образом, слабым смыслам следует приписать

Свойство 5: если слабый смысл оказывается ложным, но главная ситуация истинна, то это ведет лишь к частичной неудаче высказывания.

1.2. Нетривиальные слабые смыслы

Рассмотренные выше слабые смыслы тривиальны, а именно: при ложности слабого смысла или при его отсутствии главная ситуация способна существовать *сама по себе*. Другими словами, зависимость здесь однонаправленная: от главной ситуации — к слабому смыслу. Есть, однако, случаи, когда слабый смысл *необходим*, а без него вся семантическая конструкция рассыпается. Такие слабые смыслы назовем нетривиальными.

Приведем примеры.

1. В работе (Богуславский 1985, 31-32) показано, что толкование глаголов типа ВОЗРАСТИ, УВЕЛИЧИТЬСЯ, СНИЗИТЬСЯ, УМЕНЬШИТЬСЯ и т.п. должно, невзирая на некоторый тавтологизм, строиться по образцу:

(30) За этот год добыча угля возросла на 10 миллионов тонн =

'а. Добыча этого года больше, чем добыча прежнего;

б. Между добычей нынешнего года и добычей прежнего имеется разность;

в. Она равна 10 миллионам тонн'.

Семы (а) и (в) очевидным образом асертивны. Что касается семы (б), то она под отрицанием "как бы исчезает": фраза

(31) Добыча не возросла

допускает как то, что добыча *упала* (и, следовательно, разность *есть*), так и то, что добыча *не изменилась* (и разности *нет*).

Поэтому сема (б) является слабым смыслом, причем нетривиальным. Нетривиальность его в том, что при *отсутствии* данной разности не может быть истинной главной сема (а).

Толкования отрицательных предложений с нетривиальным слабым смыслом имеют вид (31) = (32):

(32)'а. Асертция: добыча не больше прежней;

б. Нетривиальный слабый смысл: если было бы неверно (а), то между прежним и нынешним показателями имела бы разность'.

Таким образом, явственна первая черта нетривиальных слабых смыслов: при отрицании они переходят в модальность 'если бы не отрицалась главная ситуация, то имел бы место данный слабый смысл'.⁴

2. Второе свойство нетривиальных слабых смыслов состоит в том, что они не попадают в фокус высказывания, на их основе не делаются никакие логические выводы, — иными словами, они, как и тривиальные слабые смыслы, не влияют на общую оценку.

Показать это на примере глагола ВОЗРАСТИ невозможно, поскольку сема (30б) вытекает из (30а) и, следовательно, (30а) влияет на общую оценку так же, как влияет или влияла бы сема (30б). Поэтому приведем еще один пример и рассмотрим семантику -НИБУДЬ-местоимений. Избавиться при ее описании от квантора существования (как то много раз предлагалось, например, в Селиверстова 1988) не представляется возможным. С другой стороны, этот квантор здесь явно не в центре внимания, не ассертивен. Например, если сказано:

(33) Полагаю, Маша вышла замуж за какого-нибудь иностранца, — то предмет полагания — не *существование* такого иностранца, за которого Маша вышла замуж, а то, что она вышла замуж именно за *иностранца*. Это влияет на общую оценку — на все те логические связи, в какие способна вступить фраза (33). Ср. уместные продолжения: *...так что теперь она, видимо, живет за границей (хорошо изучила иностранный язык и т.п.)*, — и менее уместное: *?...так что иностранцы, как видно, по-прежнему питают слабость к русским женщинам*.

Учтем также следующее. Неопределенные местоимения указывают на существование объекта в некотором *множестве* М подобных объектов (Падучева 1985, 210; Селиверстова 1988). Информация о наличии М очевидным образом презумптивна. Поэтому толкование фраз типа (33) должно строиться по образцу:

- (34) а. Пресуппозиция: есть релевантное множество М объектов/лиц, о которых идет речь в данном высказывании (= множество иностранцев);
 б. Ассерция: полагаю, что
 (в. Нетривиальный слабый смысл:) существует такой иностранец, что
 (г. Ассерция:) Маша вышла за него замуж'.⁵

⁴ Ср. присущее тривиальным слабым смыслам свойство 2.

⁵ Еще местоимением КАКОЙ-НИБУДЬ передается тривиальный слабый смысл 'данный иностранец (субъективно) не выбран, и выбор безразличен говорящему' (см. Селиверстова 1988), но здесь это несущественно.

Такое толкование убедительно не только потому, что объясняет не-влияние компонента (в) на общую оценку, но также и потому, что отражает следующее несомненное обстоятельство: при отрицании конструкций типа (33), т. е. во фразах наподобие

(35) Сомневаюсь, чтобы Маша вышла замуж за какого-нибудь иностранца

действие отрицается *вообще*, применительно ко *всем* иностранцам в целом, а квантор существования "как бы исчезает". Поэтому вполне согласуется с интуицией толкование (35) = (36):

(36): а. Пресуппозиция: есть релевантное множество М объектов/лиц, о которых идет речь в данном высказывании (= множество иностранцев);

б. Ассерция: полагаю, что (для этого множества в целом!)

(в. Ассерция:) неверно, что Маша вышла замуж за представителя этого множества;

г. Нетривиальный слабый смысл: если было бы неверно (или если неверно), что (в), то существовал бы (существует) такой представитель множества М, за которого Маша вышла бы (вышла) замуж!⁶

Итак, ниже мы неоднократно воспользуемся понятием слабого смысла, ибо как можно точнее определить коммуникативную роль тех или иных сем будет для нас вопросом принципиальной важности.

2. Сочинение и денотативный статус

Теперь мы рассмотрим ситуацию, когда в сочинительном ряду "А и В" сочиняемые компоненты являются конкретными нарицательными существительными.

Напомним, что речь будет идти о *равноправном* сочинении. Явно специфичные примеры типа *Тигры вообще и этот тигр в частности отличаются свирепым нравом* из рассмотрения исключаются.

Наша первая задача — описать возможные для А и В денотативные статусы: дать их содержательное толкование и квалифицировать каждый компонент с коммуникативной точки зрения. При содержательном описании ДС мы опираемся главным образом на работу (Падучева 1985, 79-

⁶ Последняя сема, по всей вероятности, не так "пуста", как это может показаться. Она сообщает о том, что при позитивном утверждении речь шла бы не о *всем* данном множестве, но только об *одном* его представителе. Другими словами, в отрицательных фразах наподобие (35) сохраняется "тень" экзистенциальности — хотя в основной части своего значения (36а-в) эти фразы универсальны.

106) и позволяем себе некоторый схематизм толкований — ибо на сочетаемость денотативных статусов влияет, как мы убедимся, не их содержание как таковое, но их коммуникативное устройство.

1. Предикатный ДС. Он возникает там, где существительное входит в составное именное сказуемое и, таким образом, приписывает объекту некоторый признак, соотносит объект с некоторым концептом. Ср. второе существительное во фразах: *Мой отец врач; Прямоугольный ромб — это квадрат.*

В ряду других статусов предикатный ДС следует назвать первым, ибо он самый примитивный, "пустой". Отвлекаясь от падежной и числовой семантики, можно сказать, что существительные ВРАЧ и КВАДРАТ в последних примерах не несут никакой информации, кроме той, что содержится в их концепте — лексическом значении.⁷ Поэтому предикатному ДС нельзя вообще дать *никакого* толкования.

Замечание. Предикатный ДС реализуется и в ряде других конструкций, например в быггивных предложениях (Падучева 1985, 99): *Существует треугольник, у которого все стороны равны* = 'существует объект, отвечающий данной дескрипции'. На связь с реальностью указывает не денотативная семантика именной группы *треугольник, у которого все стороны равны*, а предикат *существует*.

2. Конкретно-референтный ДС указывает, что данное существительное отправляет к уникальному объекту (или уникальному и перечисленному множеству объектов). Ср.: *Мальчик простудился; Мой отец ушел.*⁸

Толкование этого ДС следующее (пункт (а) для наглядности отражает лексическую семантику имени, а (б) — это толкование ДС как такового):

(37) 'а. Объект соответствует данной дескрипции;

б. Объект для данной ситуации уникален'.

Уникальность может обеспечиваться как участием объекта в данной ситуации, так и тем, что об объекте говорилось ранее (ср. Шмелев 1992: положение в артиклевых языках, где первое упоминание предмета дается либо с неопределенным артиклем, либо — если предмет определен самой ситуацией — с определенным, а все дальнейшие упоминания — только с определенным).

Однако толковать конкретно-референтный ДС как (37б) еще недостаточно: нам нужна большая эксплицитность.

⁷ Что касается семантики "приписывания" признака, то ее в наших примерах выражает имплицитная связь БЫТЬ.

⁸ В (Падучева 1985) выделены три разновидности конкретно-референтного ДС. Мы от них отвлекаемся и даем обобщенные формулировки. Ни к чему новому их детализация здесь не приведет.

Раз конкретно-референтный ДС возникает там, где объект стал ситуативно уникальным, то, значит, последний противопоставляется другим однотипным объектам. Есть *множество* таких объектов: на его фоне и происходит выделение. Отразим это в толковании (теперь толкуем ДС сам по себе):

- (38) 'а. Имеется множество объектов, отвечающих данной дескрипции;
 б. Объект (названный существительным) для данной ситуации уникален'.

Теперь нужно только отнести семы (а) и (б) к тому или иному типу семантической информации. Сделать это с семой (а) несложно: перед нами безусловно пресуппозиция. Для семы (б) ответ не очевиден: велик соблазн считать ее презумпцией, однако убедительнее все-таки иная трактовка.

Будем по-прежнему рассматривать примеры, в которых интересующее нас существительное находится в оптимальной позиции, т.е. в позиции релативной, где легко отличимы друг от друга все три релевантных типа информации: ассерция, пресуппозиция и слабый смысл.

Допустим, в комнате сидят Иван и Петр; на столе стоит одна чашка, и Иван говорит Петру:

- (39) Дай мне, пожалуйста, чашку.

Уникальность чашки, т.е. сема (38б), не ассертивна, ибо иначе эта уникальность была бы в (39) предметом просьбы, что очевидным образом не так. Является ли (38б) пресуппозицией? Это значило бы, что и в предложении (39), и в его отрицательном корреляте

- (40) Не давай мне, пожалуйста, чашку

речь идет только о данной чашке, а все прочие в расчет не принимаются. Тогда, если услышав просьбу (40), Петр принесет Ивану какую-то *другую* чашку, а *эту* чашку не тронет, то получится, что он *выполнил* желание Ивана. Такой результат неприемлем.

Представляется, что и (39), и (40) — это в основной своей части просьбы дать/не дать *произвольный* предмет, отвечающий дескрипции "чашка", а то, что таким предметом окажется именно данная чашка, — лишь *дополнительное* сообщение. Кроме того, оно имеет в (40) иную, чем в (39), модальность: в (39) перед нами просто сема (38б), а в (40) соответствующий элемент убедительнее всего толковать так: 'предполагается, что если будет истинно: "Петр дал Ивану чашку", то это окажется чашка, уникальная в данной ситуации'.

Такая экспликация объясняет, почему, чтобы исполнить требование (40), нельзя давать *никакую чашку вообще*.

Случай, когда та или иная сема переходит под отрицанием в представленную последним толкованием модальность, нам хорошо зна-

ком. Подобный переход составляет второе свойство тривиальных слабых смыслов.

Покажем, что здесь налицо также третье, четвертое и пятое свойства.⁹

Свойство 3: тривиальный слабый смысл обычно не входит в семантическую сферу действия включающих предикатов. Ср. текст:

(41) Я каждый раз прошу Петра дать кружку, а он приносит чашки. Вот и опять дал мне (эту) чашку.

Уникальная, конкретная чашка появилась во второй фразе *впервые*. Следовательно, сема 'уникальность' в сферу действия ОПЯТЬ здесь не попадает.

Вот другой пример:

(42) Я каждый раз прошу Петра дать кружку, а он приносит чашки. Я рад (Хорошо), что теперь наконец-то он дал мне (эту) кружку.

Уникальность кружки не является предметом радости или позитивной оценки: соответствующая сема из сферы действия включающих предикатов снова изымается.

Свойство 4: тривиальный слабый смысл не влияет на общую оценку ситуации и вообще не вступает в причинные отношения. Действительно, если сказано:

(43) Петр дал Ивану (эту) чашку, —

то построить логический вывод на основе информации 'чашка уникальна' не удастся.¹⁰ Все следствия (43) (например, *Ивану теперь есть из чего пить чай*; *Иван должен быть осторожен, чтобы чашка не разбилась* и т.д.) вытекают из *дескриптивного*, а не референциального компонента в семантике слова ЧАШКА.

Наконец, согласно свойству 5, ложность тривиального слабого смысла ведет лишь к частичной неудаче высказывания. Действительно, если кто-то произнес фразу (43), а оказалось, что Петр дал не конкретную, а какую-то новую, прежде неизвестную, чашку, то возразить говорящему надо так:

(44) Вы правы, только чашка не эта, а какая-то новая.

Сказать

(45) Вы лжете (ошибаетесь)

⁹ Первое свойство (валентность слабого смысла заполнена ассертивной или иной чувствительной к отрицанию семой) тоже скорее всего есть. Однако чтобы выяснить, какой именно семой заполнена валентность, т.е. выявить главную пропозицию, нужно полностью эксплицировать семантику уникальности, а это сложная самостоятельная задача; ср. (Шмелев 1992).

¹⁰ Точнее, удастся, если только сделать акцент на слове ЭТУ, — однако выше мы условились анализировать лишь примеры, где интонация нейтральна. Под сильным акцентом и при некоторых других условиях слабый смысл часто улобляется ассертивному; см. подробно (Зельдович 1998).

здесь совершенно неуместно.

Другими словами, интересующая нас сема (386) опять повела себя так же, как вели себя образцовые тривиальные слабые смыслы. Ср.:

(46) Петр думает, что Иван прилетел,¹¹ и он прав (но он ошибается), только Иван не прилетел, а приехал поездом.

Таким образом, элемент 'уникальность' в семантике конкретно-референтного денотативного статуса является тривиальным слабым смыслом, а в целом эта семантика должна эксплицироваться так:

(47) а. Пресуппозиция: имеется множество объектов, отвечающих данной дескрипции;

б. Тривиальный слабый смысл: объект (названный существительным) для данной ситуации уникален.¹²

3. Экзистенциальный ДС возникает тогда, когда "речь идет об объекте (в частности, о множестве объектов), который относится к классу объектов того же рода и не индивидуализирован, т.е. не то что неизвестен говорящим, а в принципе не может быть предъявлен или указан, поскольку он "не выбран"... из этого класса" (Падучева 1985, 94). Примеры (заимствованы отсюда же): *Иногда кто-нибудь из нас его навещает; Иван хочет жениться на какой-нибудь иностранке*. Другими словами, суть экзистенциального денотативного статуса в том, что заранее предполагается множество однотипных объектов и сообщается, что в данном множестве есть объект(ы) — участник(и) описанной ситуации. Принципиально важны для нас следующие обстоятельства.

Во-первых, присутствующая в семантике экзистенциального денотативного статуса идея существования никогда не находится в фокусе. Так, в последнем примере объект желания, по крайней мере главный, — не существование иностранки, но именно *женитьба*, во фразе *Я огорчаюсь, если кто-нибудь помешает мне работать* причина огорчения — опять же *действие*, а не наличие субъекта, которым оно осуществлено. Отсюда вытекает, что статус у идеи существования никак не ассертивный. Счесть ее пресуппозицией тоже совершенно противоестественно. Поэтому можно думать, что перед нами нетривиальный слабый смысл и что семантика экзистенциального ДС весьма близка к значению -НИБУДЬ-местоимений

¹¹ Напоминаем, что на *прилетел* здесь нет контрастного ударения.

¹² Мы оставляем в стороне такую разновидность референтности, как *атрибутивный* ДС (Доннелан 1982; Падучева 1985, 89). К нему особенно трудно применить какие-либо тесты, так как этот статус предельно "зыбок" и при малейшем давлении или, наоборот, сопротивлении контекста становится неотличим от конкретно-референтного. Есть, впрочем, причины думать, что толкование атрибутивного ДС оказались бы максимально близким к толкованию (47).

(не случайно последние так часто, в том числе в приведенных фразах, и являются показателями этого ДС).

Во-вторых, если это нетривиальный слабый смысл, то при отрицании он должен „как бы исчезнуть“, перейдя в особую 'если'-модальность. Иначе говоря, фраза

(48) Едва ли Иван женился на (какой-нибудь) иностранке
должна значить:

(49) 'а. Пресуппозиция: существует множество иностранок;

б. Ассерция: говорящий полагает, что неверно, что Иван женился на представителях этого множества;

в. Нетривиальный слабый смысл: если бы (б) оказалось неверным, то существовала бы такая представительница данного множества (такая иностранка), что Иван женился бы на ней!¹³

Очень важно, что (48) нисколько не исключает, что вообще-то Иван женился – хотя и не на иностранке. Ясно, что содержащееся в (48) отрицание относится только к множеству иностранок и что толкование (49) должно такую ограничительность обеспечить. Сделать это не в состоянии ни сема (49а) – поскольку сообщение о наличии множества иностранок еще не гарантия, что речь пойдет только о них, – ни, очевидным образом, смысл (49в). В результате ответственной за обсуждаемую особенность предложения (48) оказывается сема (49б), и при ее формулировании необходимо еще раз, сверх сказанного в (49а), упомянуть о множестве иностранок – ибо *только на них*, по предположениям говорящего, Иван не женился, а о не-иностранках (48) ничего не сообщает. Ради удобства, но не в ущерб дальнейшим рассуждениям соответствующая часть (49б) может быть переформулирована как 'говорящий делает сообщение применительно к множеству иностранок'.

Хотя в целом мы квалифицировали смысл (49б) как ассертивный, у него безусловно есть своя коммуникативная структура, в которой, например, и наличие 'говорящего', и то, что он что-то 'полагает', – явные *пресуппозиции*. Поэтому уместен вопрос, в каком коммуникативном статусе выступает фрагмент 'говорящий делает сообщение применительно к множеству иностранок'. Предоставляем читателю убедиться, что это тоже пресуппозиция.

В итоге толкование экзистенциального ДС примет следующий вид:

(50) 'а. Пресуппозиция: существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции;

¹³ Уже говорилось, что сема типа (в) — отнюдь не тавтология. Без нее наше толкование не отразило бы тот оттенок экзистенциальности (не-универсальности), который явно присущ толкуемой фразе.

б. Пресуппозиция: сообщение делается применительно к множеству объектов, отвечающих данной дескрипции; (в. Нетривиальный слабый смысл.) существует такой объект, который участвует в названной предложением ситуации'.

4. Универсальный ДС представлен у слова *кошки* во фразе (51) Из домашних животных веселее всех кошки.

Речь идет обо всем — причем открыто — множестве объектов: о любых объектах, которые соответствуют данной дескрипции. Эта информация сохраняется и под отрицанием: фраза

(52) Неправда, что из домашних животных веселее всех кошки говорит, что речь идет об объектах, дескрипции "кошки" не отвечающих, — однако все равно о целом *классе* объектов (например, может подразумеваться класс собак, белок и т.п.): никак не о конкретном и не о произвольном представителе класса. Тем обстоятельством, что в любом случае имеются в виду *классы*, исключается как асертивная, так и "слабосмысловая" роль данной семы.

Поэтому универсальный ДС будем толковать так:

(53) 'а. Пресуппозиция: существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции;¹⁴

б. Пресуппозиция: сообщение делается о всех объектах, отвечающих данной дескрипции'.

5. Родовой ДС означает, что берется типичный, "образцовый" представитель данного класса. Так обстоит, например, в предложении

(54) Из домашних животных веселее всех кошка, — если подразумевать не любую, а только "эталонную" кошку.¹⁵

Отрицание (54) все равно будет иметь в виду *типичных* представителей каждой породы. Поэтому и здесь семантика денотативного статуса презумптивна, причем есть смысл отдельно указать на типичность данного объекта и на (предполагаемое ею) существование класса подобных объектов:

(54) 'а. Пресуппозиция: существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции;

б. Пресуппозиция: речь идет о типичном объекте — представителе

¹⁴ Это верно, как мы полагаем, даже для фраз наподобие *Единороги не существуют*. Эксплицитное *существуют* сообщает о *реальности*, а 'существуют' в семантике денотативного статуса говорит о существовании в мире фантазии или, точнее, в *любом, произвольном* мире. Так или иначе, сугубо маргинальный характер таких примеров хорошо известен.

¹⁵ Таким образом, утверждение (54), в отличие от (51), не становится ложным оттого, что некоторые кошки ленивы и апатичны.

множества объектов, отвечающих данной дескрипции'.

Сочетаемость денотативных статусов в рядах вида "А и В" представляет довольно простую картину. Допустимы, во-первых, все комбинации двух одноименных статусов (в чем предоставляем читателю убедиться самостоятельно); во-вторых — сочетание референтного статуса с экзистенциальным, ср.: *Дай мне (этот) лист бумаги и (какой-нибудь) карандаш; В командировку поедет директор завода и какой-нибудь технолог.* Последняя возможность, собственно, и побуждает нас искать более тонких объяснений, чем простой постулат "одноименный статус к одноименному".

Между референтным и экзистенциальным статусами есть общность: это пресуппозитивная сема (47а) = (50а) 'существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции'. Поэтому можно предположить следующее: два ДС сочетаются там, где у них идентичны пресуппозитивные части.

Здесь, однако, приходится возразить, что пресуппозиции конкретно-референтного и экзистенциального ДС совпали не полностью: у последнего есть еще сема (50б) 'сообщение делается применительно к множеству объектов, отвечающих данной дескрипции'.

Может быть, для успешного сочетания у двух статусов должна быть общей только *первая* пресуппозиция? В такой упрощенной формулировке это предположение тоже приходится отвергнуть. Дело в том, что *первая* пресуппозиция конкретно-референтного и экзистенциального статусов (47а) = (50а) 'существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции' присутствует и в значении других ДС: универсального и родового (см. соответственно (53а) и (55а)), — между тем как последние не совместимы ни друг с другом, ни с первыми двумя: ср. хотя бы (1).

Представляется, что сочетаемость ДС в ряду "А и В" все-таки определяется *первой* презумпцией, однако само понятие "первая" необходимо уточнить.

Говоря обобщенно, неудача предыдущих рассуждений вызвана единственным обстоятельством: толкуя денотативные статусы, мы не задали в явном виде ту меру подробности, с какой должны даваться наши экспликации. Что одна и та же языковая единица может быть истолкована и более, и менее детально, представляется очевидным. Так, например, семантику фразы *Мой сосед купил машину* можно представить так: 'мой сосед отдал кому-то деньги и стал обладателем машины', — а можно выявить презумпции о существовании соседа, о существовании не названного прямо продавца и др.

Присмотримся к тем толкованиям, где фигурирует более чем одна пресуппозиция. Это толкования экзистенциального, универсального и родо-

вого ДС. Для удобства выпишем еще раз их пресуппозитивные части. У экзистенциального ДС это

- (50) 'а. Существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции;
 б. Сообщение делается применительно к множеству объектов, отвечающих данной дескрипции'.

У универсального ДС это

- (53) 'а. Существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции;
 б. Сообщение делается о всех объектах, отвечающих данной дескрипции'.

У родового —

- (55) 'а. Существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции;
 б. Речь идет о типичном объекте — представителе множества объектов, отвечающих данной дескрипции'.

Как известно, понятия ассерции и пресуппозиции (темы и ремы) суть понятия относительные. Одна и та же информация способна выступать как ассертивная по отношению к одному элементу смысла и пресуппозитивная — по отношению к другому (Boguslawski 1977). Следовательно, между двумя пресуппозициями в (50), (53) и (55) могут возникать какие-то неравноправные отношения.

Именно так и происходит в последних двух случаях.

Рассмотрим сначала толкование (53). Если мы зададимся вопросом о внутреннем коммуникативном устройстве семы (53б), то окажется, что ее рема — слово 'все', а прочее — тема, т.е. пресуппозиция. Поэтому существование множества отвечающих данной дескрипции объектов с точки зрения семы (53б) презумптивно. Следовательно, смысл (53а), претендовавший выше на роль "первой пресуппозиции", составляет пресуппозицию смысла (53б), содержится в нем — и выписывать его отдельно, строго говоря, не следовало.¹⁶

Точно так же обстоит и в (55б), где рема — 'типичный', а информация, дублирующая сему (55а), пресуппозитивна.

Зато в толковании экзистенциального денотативного статуса (50) положение кардинально иное. Информация о множестве отвечающих данной дескрипции объектов составляет в (50б) *рему и только рему*. *Наличие*

¹⁶ Попытки же полностью исключить, "вылущить" (53а) из (53б) заведомо безнадежны.

такого множества самой по себе семей (50б) не предполагается. Ср. результат отрицания для (53б), (55б) и (50б):

'Неверно, что (53б)' = 'неверно, что сообщение делается о всех объектах, отвечающих данной дескрипции' => 'существуют объекты, отвечающие данной дескрипции';

'Неверно, что (55б)' = 'неверно, что речь идет о типичном объекте-представителе множества объектов, отвечающих данной дескрипции' => 'существуют объекты, отвечающие данной дескрипции';

'Неверно, что (50б)' = 'неверно, что сообщение делается применительно к множеству объектов, отвечающих данной дескрипции' =/=> 'существуют объекты, отвечающие данной дескрипции'.

В последнем случае о наличии или отсутствии множества нельзя сказать ничего определенного. Поэтому информация (50а) в семантике экзистенциального ДС *совершенно самостоятельна*. Какую бы скромную меру эксплицитности мы ни потребовали от толкования, в него с необходимостью придется включить и (50б), и (50а).

Эти факты наводят на следующую мысль: в толкованиях (53) и (55) две пресуппозиции составляют *единый комплекс*. Связь их заключается в том, что вторая пресуппозиция "поглощает" первую: они соотносятся друг с другом как *пресуппозиция с ассерцией* — какую бы роль ни играла последняя в целостной коммуникативной структуре, и нельзя сформулировать вторую, избежав первой.

Теперь, чтобы мотивировать сочетаемость денотативных статусов в ряду с союзом И, достаточно принять следующие гипотезы:

1. В ряду "А и В" денотативные статусы А и В должны быть выбраны так, чтобы у них совпала *первая пресуппозиция*.

2. Если пресуппозиция (а) входит в пресуппозицию (б), то при истолковании денотативного статуса (а) отдельно не выписывается и как отдельная единица не принимается в расчет.¹⁷

Эти два правила полностью обеспечивают порождение корректных и отсеивают все некорректные структуры.

У предикатного статуса пресуппозиций нет, точнее, пресуппозиция "нулевая". Ничего подобного больше нигде не встречается, и предикатный статус сочетается только с другим предикатным; ср.: *У него две профессии: он химик и физик*.

У универсального и родового статусов первые пресуппозиции (53б) и (55б) тоже уникальны, поэтому каждый из них совместим только с одно-

¹⁷ Если же ее почему-либо все-таки необходимо выписать, то эти положения переформулируются так: у А и В совпадает *первый комплекс* пресуппозиций.

именным. Ср.: *Кошки и собаки* (речь о всех кошках и собаках) — *домашние животные*; *У кошки и собаки* (типичных) *четыре ноги*; *У кошек* (вообще) и *у собаки* (типичной или конкретной) *четыре ноги*.

У экзистенциального статуса первая пресуппозиция (50a) совпадает с первой (она же единственная) пресуппозицией конкретно-референтного ДС. Подчеркнем, что хотя в семантике последнего смысл (47a) 'имеется множество объектов, отвечающих данной дескрипции' мог бы "поглощаться" семой (47b) 'объект (названный существительным) для данной ситуации уникален', — однако эта сема представляет собой *не презумпцию, а слабый смысл* и, таким образом, правило поглощения одной пресуппозиции другой пресуппозицией к (47) неприложимо. Так же, как и (50a), сема (47a) является *полноправной первой пресуппозицией*.

Содержательная и коммуникативная идентичность (50a) и (47a) приводит к тому, что допускаются не только сочетания "конкретно-референтный ДС + конкретно-референтный ДС" и "экзистенциальный ДС + экзистенциальный ДС", но и та комбинация конкретно-референтного статуса с экзистенциальным, которая представлена в приведенном выше примере

(3) Дайте мне эту чашку и какую-нибудь ложечку
и во фразах

(56) а. Наверно, она пошла в кино вместе с мужем (конкретно-референтный ДС) и какой-нибудь подружкой (экзистенциальный ДС);

б. Приезжая в наш город, туристы обычно осматривают лишь центральную площадь (конкретно-референтный ДС) и два-три музея (музеи выбираются произвольно; экзистенциальный ДС).

Поскольку у других статусов первая пресуппозиция с (50a) и (47a) не совпадает, то с ними экзистенциальный и конкретно-референтный ДС не сочетаются.

Итак, сочетаемость денотативных статусов в ряду "А и В" регулируется простым правилом: в семантике статусов должны совпасть первые пресуппозиции, причем, если какая-то пресуппозиция P_1 целиком входит в другую пресуппозицию P_2 , то пресуппозиция P_2 "поглощает" P_1 , и именно ее следует считать *первой*.

Представляется, что аналогичная закономерность действует и там, где в качестве А и В сочетаются два глагола, — по крайней мере, два глагола несовершенного вида.¹⁸

Проверим эту гипотезу.

¹⁸ О совершенном виде мы предпочитаем здесь не говорить, поскольку его частновидовая семантика при кажущейся простоте весьма загадочна; ср. (Зельдович 1999).

3. Сочинительный ряд и частновидовое значение глаголов

При изучении глагольного сочинительного ряда особенно важно помнить то, о чем уже говорилось в начале работы: рассматриваются только примеры подлинного, равноправного сочинения.

Квазисочинительные конструкции ведут себя совершенно иначе. В перечень таких структур входят следующие случаи:

1. Связь А и В носят причинно-следственный характер:
 - (57) а. Иван болеет и (потому) не ходит на занятия;
 - б. Он сердится и (потому) упорно молчит.
2. Ситуация А задает временные рамки для ситуации В, т.е. 'В имеет место в то время, когда А'. Ср.:
 - (58) а. Иван сидел и то и дело выглядывал в окно;
 - б. В ту пору он жил на даче и часто ходил за грибами.
- (59) С двух до трех он сидел и грустил ('пока сидел, грустил', но ни в коем случае не: 'с двух до трех грустил').

Теперь мы должны истолковать частные значения несовершенного вида — точно так же, как толковали раньше денотативные статусы. Единственное новшество будет в том, что если пресуппозиция P_1 поглощается пресуппозицией P_2 , то в толкования мы P_1 вписывать не станем.

Из традиционно выделяемых частных значений несовершенного вида мы не учитываем только потенциальное. Его природа на нынешний момент неясна, — в частности, непонятно, как его отграничивать от многократного (Гловинская 1989), — и оно еще должно стать предметом специального изучения. (Это, впрочем, относится и к другим частновидовым значениям, но все-таки в меньшей мере). Толкования во многом опираются на материал работ (Гловинская 1989) и (Падучева 1996).

1. Постоянно-непрерывное значение — самое примитивное. Всякая соотносимая с временем ситуация предполагает наличие актуального интервала — того "временного мира", применительно к которому только и делается сообщение.¹⁹ При постоянно-непрерывном ЧВЗ ситуация приурочивается ко всему актуальному интервалу. Например, *Иван любил алгебру (был мужем Марии, жил в Крыму)* = 'на актуальном интервале Иван любил алгебру (был мужем Марии, жил в Крыму)'.

¹⁹ Подробно обосновывать понятие актуального интервала не представляется необходимым. Оно давно и плодотворно используется в аспектологических исследованиях, см. особенно (Падучева 1996). О необходимости этого понятия свидетельствуют и некоторые свойства временных квантификаторов типа ВСЕГДА, ВЕЧНО и т.д. См. (Зельдович 1995).

Компонент 'на актуальном интервале' пресуппозитивен, ср. отрицательные предложения *Иван не любил алгебру (не был мужем Марии, не жил в Крыму)* = 'на актуальном интервале неверно, что Иван любил алгебру (был мужем Марии, жил в Крыму)'. Поэтому постоянно-непрерывному ЧВЗ нужно дать толкование:

(60) Пресуппозиция: на актуальном временном интервале имеет место (данная ситуация)'.
 2. Дуративное ЧВЗ состоит в том, что действие приурочивается к определенному (по крайней мере онтологически) временному отрезку. Ср.: *С двух до трех Иван читал* (отрезок определен явно); *Иван читал, потом ушел гулять* (отрезок имплицитен). Информация об этом отрезке презумптивна, ср.: *Неверно, что с двух до трех Иван читал; Иван не читал* (предполагается, что в какое-то определенное время).

Толкование дуративного ЧВЗ:

(61) Пресуппозиция: на определенном временном отрезке имеет место (данная ситуация)'.
 Определенность отрезка предполагает наличие каких-то других временных отрезков, среди которых он как-то выделен, т.е. наличие актуального временного интервала. Таким образом, частью информации (61) является информация (60), однако по отношению к (61) она оказывается поглощенной пресуппозицией (пресуппозицией данной пресуппозиции), и отдельно ее выписывать не следует.²⁰

3. Актуально-длительное значение представлено во фразах: *Маша (сейчас) моет посуду; (Я вошел в комнату). Иван (в этот момент) говорил по телефону.*

Данное значение тоже пресуппозитивно и толкуется так:

²⁰ Заметим, что иногда постоянно-непрерывное и дуративное значения практически неразличимы. Это случается, если актуальный интервал задан эксплицитным способом — оборотами типа *В ТО ВРЕМЯ, В ЮНОСТИ, УЧАТЬСЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ* — и, следовательно, погружен в какой-то более широкий "временной мир". Ср.: *В то время (в юности, учась в университете) Иван любил алгебру.*

Вполне может оказаться, что как частновидовые значения постоянно-непрерывное и дуративное вообще не противопоставлены, а истинный смысл данной дистрикции состоит в противопоставлении предикатных типов, а именно — сверхдлительных предикатов (ЛЮБИТЬ, БЫТЬ МУЖЕМ и т.п.), которые ведут себя экспансивно и при отсутствии специальных указаний распространяют ситуацию на весь актуальный интервал, обычным предикатам (ЧИТАТЬ, СИДЕТЬ и т.п.), которые по умолчанию приурочивают ситуацию к отдельному временному отрезку — более кратко, нежели целостный актуальный интервал.

В перечне ЧВЗ мы идем традиционным путем: разграничение постоянно-непрерывного и дуративного ЧВЗ избавляет от необходимости подробно обосновывать их единство, что увело бы далеко в сторону от нашего главного предмета.

(62) Пресуппозиция: момент референции (наблюдения) принадлежит временному отрезку, на котором имеет место (данная ситуация)'. Например, *Маша (сейчас) моет посуду* = 'момент референции (наблюдения) принадлежит временному отрезку, на котором имеет место ситуация: Маша моет посуду'.

Как и предыдущее ЧВЗ, актуально-длительное значение предполагает наличие актуального временного интервала, и вновь соответствующая информация оказалась *поглощенной* пресуппозицией.

4. Итеративное ЧВЗ устроено сложнее.

Его основной компонент — это квантор существования: 'существуют времена, когда имеет место (данная ситуация)'. В работе (Зельдович 1998) показано, что данный квантор представляет собой нетривиальный слабый смысл — точно такой же, как квантор существования в семантике НИБУДЬ-местоимений и в семантике экзистенциального денотативного статуса (см. выше). Например, во фразе *Иван хочет ходить в шахматный кружок* предметом желания является не *наличие времен*, когда Иван туда будет ходить, а наличие времен, когда *будет осуществляться* данное действие.

Существование времен, когда имеет место данное действие, возможно только на актуальном интервале, причем его наличие пресуппозитивно.

Поэтому толкование итератива — в предварительной формулировке — выглядит так:

$S_{iter} =$

- (63) 'а. Пресуппозиция: на актуальном временном интервале
(б. Нетривиальный слабый смысл:) есть временные отрезки,
(в. Ассерция:) на которых имеет место ситуация S'.

Для отрицательных предложений такое толкование дает весьма удовлетворительный результат:

Неверно, что $S_{iter} =$

- (64) 'а. Пресуппозиция: на актуальном временном интервале
(б. Ассерция:) неверно, что S;
в. Нетривиальный слабый смысл: если было бы неверно (б), то существовали бы временные отрезки, на которых имела бы место ситуация S'.²¹

Действительно, фраза *Иван не ходит в кружок*, согласно (64), значит, среди прочего, что 'на актуальном временном интервале неверно, что Иван ходит в кружок', — и в этом фрагменте своей семантики отрица-

²¹ В защиту семы (в) можно привести те же доводы, что и в защиту компонентов (36г) и (49в) в семантике экзистенциальности. Сема (64в) отражает всегда сопутствующее отрицательному итеративу представление о том, что при наличии действия оно было бы *многократным*, а не постоянно-непрерывным или каким-то еще.

тельный итератив уподобляется постоянно-непрерывному ЧВЗ, что прекрасно согласуется с интуицией.

Однако, чтобы окончательно выяснить семантику итератива, нужно задаться еще одним вопросом: полностью ли совпадает пресуппозитивная часть итеративной семантики с презумпцией постоянно-непрерывного значения 'на актуальном интервале имеет место ситуация S'?

На самом деле полного совпадения нет.

Как мы помним, всякое существование есть существование в некотором множестве (Падучева 1985, 210; Селиверстова 1988). Времена, когда имеет место S, существуют, строго говоря, не на актуальном временном интервале, а *во множестве временных отрезков, на которые этот интервал разделен*. Так, абсурдно говорить: *С двух до шести (или: Пока Иван ждал Марию и т.п.) имелись времена, когда Иван выглядывал в окно*. Получается, что такие времена на всем обозначенном интервале имелись непрерывно.

Учитывая изложенное, итеративное ЧВЗ мы должны истолковать следующим образом:

- (65) а. Пресуппозиция: в актуальном множестве временных отрезков
 (б. Нетривиальный слабый смысл:) есть временные отрезки,
 (в. Ассерция:) на которых имеет место (данная ситуация)'.
 5. Характеризирующее значение.

Во многих случаях итеративное значение сопровождается оттенком характеристики (Гловинская 1989). Ср.: *Иван совершает дурные поступки* (≈ 'Иван плохой человек'); *Иван плавает и играет в теннис* (≈ 'Иван очень спортивен'); *Посуда бьется* (≈ 'Она ненадежна').

Все приведенные в скобках огрубленные интерпретации показывают, что данная ситуация, будучи итеративной, все-таки соотносится с *целостным* актуальным интервалом, периодическое действие осмысливается как постоянная характеристика объекта. Отразить этот факт можно следующим толкованием характеризующего значения:

- (66) а. Пресуппозиция: на актуальном временном интервале
 (б. Пресуппозиция:) для объекта характерно то, что
 (в. Пресуппозиция:) в актуальном множестве временных отрезков
 (г. Нетривиальный слабый смысл:) есть временные отрезки,
 (д. Ассерция:) на которых имеет место (данная ситуация)'.²²

Обратим внимание на то, что чем-то характеризоваться предмет может как на всем временном интервале, так и в какие-то отдельные времена.

²² Дополнительные аргументы в пользу такого толкования дает разная сочетаемость собственно итератива и характеризующего ЧВЗ с наречием ВСЕГДА. Ср.: *'Эта пушка всегда стреляет* (собственно итератив); *Штинов в России и Америке ловил всегда* ('Литературная газета', характеризующее ЧВЗ). См. подробнее (Зельдович 1995).

Отсюда ясно, что пресуппозиция (б) *не поглощает* пресуппозицию (а) и она, таким образом, является *первой* пресуппозицией характеризующего значения.

б. Узуальное значение глагол может иметь во фразах типа *Иван курит, Иван пьет кофе, Иван носит очки*. Во-первых, здесь очевиден итеративный элемент; во-вторых, здесь присутствует сема 'данное итеративное действие для данного субъекта привычно' = 'оно повторяется через приблизительно одинаковые (по крайней мере — сопоставимые) промежутки времени'. Эта сема не подвергается воздействию негации и под отрицанием не сохраняется. В противном случае фраза *Иван не курит* значила бы либо то, что Иван вообще-то иногда курит, но нерегулярно,²³ либо — что при отсутствии действия интервалы между его отдельными актами приблизительно равны. Первое не соответствует обычной интерпретации таких фраз, а второе — абсурдно. Наиболее приемлемым (хотя оно и предварительное) является такое толкование: *Иван курит* = 'есть времена, когда Иван курит; интервалы между ними примерно одинаковые'; *Иван не курит* = 'неверно, что Иван курит; предполагается, что если было бы иначе, то интервалы между временами, когда Иван бы курил, были бы примерно одинаковы'.

Поведение обсуждаемой семы ясно говорит, что это тривиальный слабый смысл.

Однако к итеративности и регулярности узуальная семантика не сводится. Фразы типа *Иван курит* суть сообщения о *привычках*, т.е. о постоянных свойствах субъекта. Поэтому уместно считать, что здесь присутствует и элемент характеристики: другими словами, что узуальность — это "характеризация плюс регулярность",²⁴ а в толкование узуальности полностью включить смыслы (бб):

- (б7) 'а. Пресуппозиция: на актуальном временном интервале
 (б. Пресуппозиция:) для объекта характерно то, что
 (в. Пресуппозиция:) в актуальном множестве временных отрезков
 (г. Нетривиальный слабый смысл:) есть временные отрезки,
 (д. Ассерция:) на которых имеет место (данная ситуация);

²³ Ср. явно ненормативный пример: *Я не курил, но от сигареты никогда не отказывался* (И.Эренбург).

²⁴ Никакой тавтологии тут нет, поскольку фразы с собственно характеризующим значением в общем случае регулярности не предполагают. Так, сказать *Иван совершает дурные поступки* можно, если даже поступков всего несколько за долгое время. Для узуальности подобное бессмысленно — кроме, разумеется, гиперболы и, в общем-то, своеобразной лжи, когда, например, о человеке, пьющем лишь изредка, говорится: *Он пьет*.

е. Тривиальный слабый смысл: интервалы между временными отрезками, на которых имеет место (данная ситуация), примерно одинаковы (или сопоставимы по длине)²⁵.

7. **Общефактическое значение** существует во множестве разновидностей (Гловинская 1982, 116-144; Падучева 1996, 32-52). Из рассмотрения мы исключаем так называемое акциональное значение, которое близко не только, — а может быть, и не столько — к общефактическому, но и к дуративу (так, в отличие от иных общефактических значений, оно не обязательно предполагает результативность, см. Падучева 1996, 49-50) и которое еще требует обстоятельного изучения.

Что же касается остальных типов общефактического значения, то здесь нам достаточно рассмотреть только их инвариантные компоненты.

Е.В.Падучева пишет, что инвариантом общефактических значений является семантический элемент "ретроспективная точка отсчета". Это справедливо для *прошедшего* времени, однако общефактическое значение употребительно еще в двух случаях: в *будущем* времени (ср.: *Борис будет есть?*) и в повелительном наклонении (*Ешьте!* См. Падучева 1996, 69). Сомнительно, чтобы в приведенных фразах точка отсчета была обязательно ретроспективной.

Поэтому нам кажется, что истинный инвариант общефактических значений иной. Говоря точнее, здесь присутствуют *два* инвариантных компонента.

Первый — это информация о существовании временных отрезков, на которых имеет место данная ситуация. Таким образом, общефактическое значение предполагает по крайней мере потенциальную многократность. Это полностью согласуется с языковой реальностью. Подавляющее большинство приводимых в (Падучева 1996, 32-52) примеров очевидным образом допускают повторяемость ситуации. Ср.: *Я открывал окно; Я смотрела этот глупый фильм*. Те фразы, где повторяемости нет, — это ложные контрпримеры. В одном случае частновидовое значение глагола только кажется общефактическим, а на самом деле это дуратив. Так обстоит во фразах *Почтальон приходил в восемь утра; Мы встречались с ней в два часа* (Падучева 1996, 41).²⁶ Как пишет сама Е.В.Падучева,

²⁵ Здесь, как может заметить читатель, представлена та не обсуждавшаяся в первом параграфе и в чем-то экзотическая ситуация, когда слабый смысл (е) относится не к ассерции, а к *другому* слабому смыслу (г). Более представительная подборка таких примеров содержится в (Зельдович 1998).

²⁶ Подчеркнем, что, в отличие от актуально-длительного ЧВЗ, дуративное значение не противоречит моментальному характеру глаголов ПРИХОДИТЬ и ВСТРЕЧАТЬСЯ (см. Апресян 1988).

"рематическое обстоятельство времени препятствует реализации общефактического значения" (там же, 42).

В другом случае однократность ситуации обусловлена внеязыковым или языковым контекстом, а сама по себе глагольная форма по-прежнему значит 'есть времена, когда...'. Ср.: *Сергей вешал тогда эту карту*. Из опыта нам известно, что карту обычно вешают лишь один раз; ситуация, когда результат действия уничтожен, к примеру, карта упала, ненормальна — и о ней следует говорить прямо, а по умолчанию принимается, что ничего такого не произошло. Однако если ввести в контекст соответствующие указания, то форма *вешал* без натяжек приобретет многократный смысл, — точнее говоря, не приобретет, а этот потенциально присущий ей смысл сможет наглядно проявиться.

Совершенно особый вопрос, каков коммуникативный статус семы 'есть времена, когда...'. По аналогии с итеративом, можно думать, что это нетривиальный слабый смысл. С другой стороны, общефактическое значение делает акцент на том, что ситуация **ИМЕЛА МЕСТО** или **БУДЕТ ИМЕТЬ МЕСТО** — и на этой информации строится логический вывод (Падучева 1996, 36). Поэтому есть причины считать квантор существования собственно ассерцией. Так мы и поступим — хотя в рамках этой работы выбор решения не столь важен.

Ясно без комментариев, что, как и в случае с итеративом, сема 'есть времена, когда...' имеет presupпозицией смысл 'в актуальном множестве временных отрезков'.

С особенностями актуального множества временных отрезков связан второй инвариантный для общефактических значений компонент.

Е.В.Падучева высказала мысль, что название общефактического значения носит не чисто терминологический, но сущностный характер: ситуация представлена как *факт*, а именно факты вступают в причинно-следственные (и иные логические) отношения. Поэтому, когда говорится *Я обедал*, то результат 'я не голоден' порождается *логическим* выводом, аспектуальная же семантика глагольной формы здесь участия не принимает, ибо никакой перфектности тут нет (Падучева 1996, 63-65).

Представляется, что изложенные выводы чрезвычайно пронизательны и схватывают самое существо общефактической семантики: данный факт (наличие данной ситуации) находится — или по крайней мере должен находиться²⁷ — в каких-то логических связях с обстоятельствами, акту-

²⁷ Последняя оговорка необходима, чтобы обеспечить корректную интерпретацию фраз типа *Я читал Шекспира, но ничего не помню*. Из этого примера — обратим внимание на союз **НО** — видно, что наличие следствий в момент речи является *нормальным*. Так или иначе, следствие 'я должен был бы что-то помнить' определенно присутствует в момент речи.

альными в момент речи (или в иной момент референции; эту возможность ради простоты игнорируем).

Соотноситься с актуальной в момент речи ситуацией общефактическая ситуация может двояко. В первом случае связь причинно-следственная. Так обстоит в прошедшем и будущем временах (а также в не рассматриваемом здесь специально инфинитиве). Ср.: *Я читал Шекспира* (нормально в момент речи актуальна ситуация: 'я имею представление о его творчестве'); *Я обедал* ('я не голоден'); *Иван будет обедать* ('надо поставить еще один прибор', 'надо приготовить/подать лишнюю порцию' и т.п.).

Даже так называемое двунаправленное общефактическое (общефактическое с устраненным результатом; имеется в виду *непосредственный* результат) обязательно предполагает какой-то актуальный "отголосок"; ср.: *Я открывал окно* (\Rightarrow 'комната проветрена' — или: 'я теперь знаю, как это делается' и т.п.); *К вам приходили* (\Rightarrow 'у кого-то есть к адресату дело', 'есть какая-то новость' и т.п.).

Второй, неожиданный, вариант связи реализуется в императиве. Здесь общефактическая ситуация и ситуация, которая имеет место (точнее, кто-то *хочет*, чтобы имела место) в момент речи, *совпадают*. Отсюда та особенность императивных форм несовершенного вида, которую Е.В.Падучева обозначила как семантический элемент "немедленно" (Падучева 1996, 70-71). Например, если указание *Поешьте* с совершенным видом в конкретно-фактическом значении в принципе допускает некую отдаленность действия от момента речи, то фраза *Ешьте* — это требование приступить к трапезе сию же минутой.

Безусловно, второй вариант логической связи между общефактической ситуацией и ситуацией, актуальной в момент речи, весьма необычен, однако это именно логическое отношение (тождество), его же необычность как раз и отражает интуитивно ощутимую специфику общефактического значения в императиве.

Информация о связи с моментом речи одинаково существенна как в утвердительных, так и в отрицательных высказываниях. Ср.: *Я не читал Шекспира* (в момент речи нормальна ситуация: 'я не имею представления о его творчестве'); *Я не обедал* (нормальное следствие, актуальное в момент речи: 'я голоден').

Чтобы окончательно сформулировать толкование общефактического значения, учтем еще следующее. Во всех прочих частновидовых значениях актуальный временной интервал задается — языковым или внеязыковым — контекстом *заранее*. Например, если нужно построить фразу структуры *Иван P_{iter}* (= совершал какие-то многократные действия), то какой бы глагол мы ни поставили на место P, актуальный интервал от этого не изменится. Если же он окажется несоизмерим с тем интервалом, на котором обычно локализуется ситуация данного типа, то просто возникнет

аномалия. Поэтому фраза *Иван щелкал орехи* при итеративном (не общефактическом) понимании требует, чтобы мы мысленно приурочили ситуацию к сравнительно краткому интервалу: (*Сидя в гостях, во время заседания*) *Иван щелкал орехи*. Не будучи домыслено в таком направлении, это предложение станет аномальным. Иначе говоря, „задним числом“ корректировать наше понятие о релевантном временном промежутке итеративный глагол *не способен*. Точно так же, например, постоянно-непрерывное или дуративное по временной соотнесенности предложение *У Ивана было большое сердце* прозвучит неуместно, если речь идет о каком-то сравнительно коротком периоде, — допустим, о том, как Иван ездил в отпуск; с другой стороны, предполагающее совсем иную нормальную длительность предложение *У Ивана был катар* здесь даже не шероховато. То же самое достаточно очевидным образом верно и для других ранее рассмотренных ЧВЗ.

С общефактическим значением дело обстоит совершенно иначе: актуальный интервал не задается заранее, а определяется характером ситуации. Для фразы *Иван читал Шекспира* актуальный интервал приблизительно совпадает со всей уже прошедшей жизнью Ивана, а для фразы *Я обедал* актуальный интервал не превышает одних суток.²⁸ Актуальный интервал (или — скажем теперь точнее — актуальное множество временных отрезков) выбирается таким образом, что общефактическая ситуация (или отсутствие таковой) *в состоянии повлиять на ситуацию, наличную в момент речи*.

Принимая во внимание этот и все прежние выводы, а также учтя, что информация о существовании актуального множества временных отрезков содержится как презумпция в только что сформулированном тоже презумптивном смысловом компоненте и, следовательно, по правилу поглощения пресуппозиций, ее нет надобности выписывать специально (как то было сделано в толковании итератива), мы можем дать экспликацию общефактического частновидового значения:

(68) 'а. Пресуппозиция: в актуальном множестве временных отрезков, выбранном так, что наличие или отсутствие данной ситуации должно быть (в норме) логически связано с некоторой ситуацией, актуальной в момент речи,

(б. Ассерция:) существуют такие отрезки, на которых имеет место данная ситуация'.

Теперь вернемся к вопросу, какие же частновидовые значения способны сочетаться в ряду "А и В". Фактическая сторона дела выглядит следующим образом:

²⁸ Ср., как это обыгрывается в шутке: — *Вы обедали?* — *Обедал. На прошлой неделе.*

1. Сочетаются любые *одинаковые* ЧВЗ. Этот случай настолько очевиден, что от примеров можно воздержаться.

2. Характеризующее значение сочетается с постоянно-непрерывным. Ср.: *Иван скандалит дома* (характеризация) и *славится неуравновешенностью в общении с коллегами* (постоянно-непрерывное значение); *Этот писанист концертирует* (характеризация) и *пользуется большой любовью публики* (постоянно-непрерывное значение).²⁹

3. Постоянно-непрерывное значение сочетается с узуальным: *Иван курит* (узуальность) и *плюет на свое здоровье* (постоянно-непрерывное значение); *Мария носит одежду темных тонов* (узуальность) и *очень чопорна в обращении с окружающими* (у имплицитной связки БЫТЬ — постоянно-непрерывное значение).

4. Наконец, узуальность может сочетаться с характеристикой: *Иван вытывает* (узуальность) и *совершает гадкие поступки* (последние не обязательно регулярны; здесь не узуальность, а простая характеристика).

Этим исчерпывается список допустимых сочетаний.

Иногда создается иллюзия, что итератив (в отрицательном варианте) сочетается с актуально-длительным значением или с дуративом; ср.: *Иван не ходит на занятия* (итератив с негацией) и *сидит дома* (актуально-длительное значение). На самом деле здесь предполагается, что занятия — это то единственное, куда Иван вообще мог бы ходить. Поэтому первая ситуация выступает как *причина* второй, а такой тип связи к собственно сочинению не относится.

Другая иллюзия подобного рода — сочетание отрицательного итератива с постоянно-непрерывным ЧВЗ в предложениях типа *Иван не ходит в гости и отличается нелюдимым нравом*. Здесь в первом случае отчетливо ощутима *характеризация* (Ивану *свойственно* не ходить в гости), а такая комбинация, конечно, позволительна и была учтена выше.

Наконец, третий тип ложных контрпримеров — тексты наподобие следующего: *После выволочки за разболтанность Иван повел себя совсем по-новому: был на последнем заседании* (общезафактическое или дуративное

²⁹ Заметим, что аналогичные примеры с противоположным порядком глагольных групп представляли бы значительно меньшую ценность, ибо тогда в ряде случаев вторая ситуация могла бы рассматриваться как *причина* первой ('пользуется любовью публики, поэтому концертирует') — и мы имели бы дело уже с *квазисочинением*, а не с сочинением в собственном смысле слова.

В последующих примерах порядок А и В выбран тоже таким образом, чтобы исключить "квазисочинительную" интерпретацию.

Безусловно, оговоренное в скобках прочтение наших фраз — не единственно допустимое. Характеризация часто с легкостью переосмысливается в узуальность, и наоборот. Важно лишь то, что такое понимание глаголов не исключено.

значение) и регулярно ходит на занятия (итератив). В действительности, однако, здесь, ввиду обобщающего выражения *повел себя совсем по-новому*, присутствует имплицитная структура 'Иван выполнил свою обязанность быть на заседании и выполнил обязанность ходить на занятия', — где сочиняются *два совершенных вида*. Разумеется, что ЧВЗ в обоих случаях одинаково и наших рассуждений приведенный текст не опровергает.³⁰

Чтобы мотивировать все ограничения и все открывающиеся возможности, нам теперь достаточно вернуться к приведенным выше толкованиям частновидовых значений.

Оказывается, что сочетаются такие и только такие ЧВЗ, у которых совпадает *первая пресуппозиция*. Совпадает она, во-первых, у любых одноименных ЧВЗ, во-вторых — у постоянно-непрерывного, характеризующего и узуального.

Таким образом, в области частных значений несовершенного вида действует та же закономерность, что и в случае с денотативными статусами. Изложенная выше гипотеза подтвердилась: для успешного сочинения А и В необходимо, чтобы отражающие их сотнесенность с действительностью смыслы имели общую первую пресуппозицию. Устанавливая ранг пресуппозитивной семы и квалифицируя ее как "первую" или "непервую", следует игнорировать все те пресуппозиции, которые ею поглощаются, т.е. сами по отношению к ней презумптивны — что и сделано в последнем параграфе прямо по ходу изложения.

Заключение

Итак, на сочетаемость А и В в собственно сочинительном ряду влияет *первая пресуппозиция* их денотативной или частновидовой семантики: если первая пресуппозиция у А и В одна и та же, то сочетание А и В корректно; в ином случае возникает либо аномальный, либо приемлемый, но уже не собственно сочинительный, без равноправия частей, ряд.

Само понятие первой пресуппозиции еще предстоит прояснить, однако уже сейчас можно думать, что природа его окажется не логической, а *прагматической*.

³⁰ Вообще, любопытен вопрос о соотношении частновидовых значений в структурах вида "глагольный включающий предикат — подчиненный ему глагол" (*выполнил обязанность ходить...; сумел добраться; ухитрился прийти; поровнит увильнуть* и т.п.). Здесь возможна и полная взаимозависимость, и копирование ЧВЗ, и случаи более тонкой сопряженности. О копировании см. (Зельдович 1998).

С этой точки зрения показательны не те примеры, где интересующая нас пресуппозиция является первой в силу своей единственности, но случаи, когда имеются две или несколько логически независимых пресуппозиций. Такова семантика универсального ДС, который получил толкование:

(50)'а. Пресуппозиция: существует множество объектов, отвечающих данной дескрипции;

б. Пресуппозиция: сообщение делается применительно к множеству объектов, отвечающих данной дескрипции;
(в. Нетривиальный слабый смысл:) существует такой объект, который участвует в названной предложением ситуации'.

Выбранный порядок частей (а) и (б) предопределен отнюдь не логически, ибо с логической точки зрения (а) и (б) друг от друга не зависят: с одной стороны, можно сообщить (а), не сообщая (б); с другой, как показывает тест на отрицание смысла (б), существование множества отвечающих данной дескрипции объектов здесь не презумпция, следовательно, (б) от (а) тоже автономно. Вместе с тем, (б) *зависит* от (а), только зависимость эта – вероятностной, прагматической природы. Чтобы сказать, что сообщение делается применительно или *не* применительно к тем или иным объектам, существование таковых все же *очень естественно* предполагать (логика такого вывода предельно ясна в свете грайсовских идей, см., например, Grice 1981). Таким образом, (а) составляет для (б) *прагматическую* презумпцию – и в таком смысле все-таки *первично*.

Так или иначе, очевидно, что по крайней мере в одном отношении, — а именно, в отношении к конъюнкции с союзом И — референциальные пресуппозиции неоднородны.³¹

Вопрос, проявляется ли их неоднородность как-либо еще и можно ли ей дать содержательное объяснение, остается открытым.

Литература

- Ю.Д. Апресян 1988. "Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке", *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*, Москва: Наука, 57-78.
- И.М. Богуславский 1985. *Исследования по синтаксической семантике*, Москва: Наука.

³¹ О неоднородности других пресуппозиций и в другом плане см. (Богуславский 1989).

- И.М.Богуславский 1989, "О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением 'достаточно' и частицами", *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*, Москва: Наука, 197-216.
- М.Я.Гловинская 1982. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*, Москва: Наука.
- М.Я.Гловинская 1989. "Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм", *Грамматические исследования*, Москва: Наука, 74-145.
- К.С.Доннелан 1982. "Референция и определенные дескрипции", *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Проблемы референции*, Москва: Прогресс, 134-160.
- Г.М.Зельдович 1995. "Наречие ВСЕГДА и его квазисинонимы ВСЕ ВРЕМЯ и ПОСТОЯННО", *Wiener Slawistischer Almanach* 36 (1995), 223-257.
- Г.М.Зельдович 1998. *Русские временные квантификаторы*, Wien: Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband 46).
- Г.М.Зельдович 1999. "Семантика совершенного вида: к вопросу об инварианте", *Wiener Slawistischer Almanach* 43, 163-196.
- Е.В.Падучева 1985. *Высказывание и его соотношенность с действительностью*, Москва: Наука.
- Е.В.Падучева 1986. "Семантика вида и точка отсчета", *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* Т. 45, N 5, 413-432.
- Е.В.Падучева 1996. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва: ЯРК.
- В.З.Санников 1989. *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. Москва: Наука.
- О.Н.Селиверстова 1988. *Местоимения в языке и речи*. Москва: Наука.
- А.Д.Шмелев 1992. "Определенность/неопределенность в аспекте теории референции", *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*. Санкт-Петербург: Наука, 266-279.
- A. Boguslawski 1977. *Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences*. Warszawa, 1977.
- P. Grice 1981. "Presupposition and conversational implicature", P. Cole (ed.), *Radical Pragmatics*, New York: Academic Press, 83-198.